

Встреча с «о чём» речи и сонаправленность философствования

Философствующий находится в особенной ситуации. В такой ситуации он оказывается лицом к лицу с происходящим: особое настроение открывает ему нечто таким образом, что сам он предстаёт теперь в новом свете.

Речь «по существу» возможна тогда, когда «о чём» этой речи знакомо говорящему. Речь может передаваться дальше, не отрываясь при этом полностью от своего «о чём», но создавая видимость ненуждаемости в прямом к нему обращении. Увеличиваясь и разрастаясь, она охватывает всё новые и новые области, непосредственное знакомство с предметом которых со временем снова скатывается в усвоенную понятность. Результаты, достижение которых ещё совсем недавно казалось чем-то заоблачным и невероятным, подкрепляют уверенность в необходимости такой всепроникающей речи, а доказательства, какими она обосновывает наличие под собой твёрдой почвы, обеспечивают ей её превосходство над всяким заново открывающим давно ставшее очевидным разговором. Такая речь, независимо от своего изначального «о чём» и от степени уклонения, представляет собой возможное «как» любого разговора: неважно, проговариваются ли в ней законы природы или близкий человек, основы поэтики или прогнозы на будущее – всякая речь подпадает под соблазн нивелировать изначальный предмет своего обсуждения. Знакомство превращается в пустой факт, который может продолжить утверждать себя, оставшись навсегда в оторванности от настоящего понимания.

Но никакая речь, в то же время, не застрахована от встречи с тем, что может потребовать себе слово. Такие встречи ставят говорящего перед чем-то таким, что может противиться слову, отвергать его. Открываемое предстаёт во всей полноте так, что обнаруживается предшествующая беспочвенность речи, которой теперь предстоит бескомпромиссно высказать впервые увиденное «о чём». Происходит, однако, не примерка накопленного, но пересмотр уже имеющегося ввиду наступившей захваченности неизъяснимым. Речь о чрезвычайном, которое способно захватить говорящего таким образом, что всё «его» теперь у него отнято, превращается в молчание способное говорить «по существу».

Обращение к таким моментам и соответствующие попытки выразить происходящее наталкиваются на некоторые вопросы: каким образом, обнаруживая себя полностью захваченной, интуиция собственности продолжает существовать? Также: как речь о чём-то чрезвычайном может вкладывать себя в сообщение? Оставляет ли открываемое необходимость в собеседнике? Может быть, настоящая сонаправленность не нуждается в словах? В докладе предпринимается попытка указать на необходимость этих вопросов.